

На правах рукописи

Каландаришвили Христина Александровна
ПРЕЗУМПЦИЯ, ПРЕЮДИЦИЯ И ФИКЦИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

12.00.09 – уголовный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Байкальский государственный университет».

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор
Смолькова Ираида Вячеславовна

Официальные оппоненты: **Дикарев Илья Степанович**
доктор юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»,
директор института права

Вилкова Татьяна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина», доцент

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «**Воронежский
государственный университет**»
(юридический факультет)

Защита состоится 13 октября 2021 года в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.239.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-06-2021-2d.pdf>).

Автореферат разослан «___» июля 2021 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Кобзева Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что использование технико-юридических приемов в уголовно-процессуальном праве имеет множество правовых аспектов, исследование которых необходимо, с одной стороны, ввиду широкого употребления этих приемов в уголовном судопроизводстве, а с другой – для углубленного понимания структуры и закономерностей построения отдельных правовых норм. Презумпция, преюдиция и фикция направлены на координацию и упорядочивание уголовно-процессуальных правоотношений, а также на экономию и эффективность познавательной деятельности в процессе доказывания. На современном этапе развития правовой науки учение о презумпции, преюдиции и фикции в большей мере развито в теории права, гражданском праве и гражданском процессе, тогда как использование технико-юридических приемов затрагивает и основные проблемы уголовного судопроизводства (состязательность и целесообразность), и возможности достижения истины.

Для норм уголовно-процессуального законодательства важнейшими характеристиками остаются логическая стройность, внутренняя согласованность, точность формулировок, ясность и лаконизм изложения. Приемы юридической техники позволяют формулировать нормы уголовно-процессуального закона в соответствии с данными характеристиками.

Единство юридической терминологии составляет основное требование законодательной техники. Формирование последовательной терминологической базы способствует точности и ясности выражения законодательной мысли и, как результат, стабильности законодательства. Безусловно, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) имеются примеры и других, помимо исследуемых, приемов юридической техники. Однако иные приемы, такие как дефиниции, аксиомы, оговорки, отсылки, все-таки выполняют прикладную функцию при формулировании правил поведения в уголовном судопроизводстве, в то

время как презумпции, преюдиции и фикции задействованы законодателем в разработке основополагающих правил доказывания и системы процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства (презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, межотраслевая преюдиция, отдельные правовые фикции). Кроме того, презумпция, преюдиция и фикция в основе своей являются законными предположениями и различаются главным образом возможностью и порядком их опровержения.

Осмысление сформированных с помощью презумпций, преюдиций и фикций правил доказывания в уголовном судопроизводстве, определение характерных черт названных технико-юридических приемов и их сущностного содержания выступает основным назначением диссертационного исследования.

Системно-структурные связи между презумпцией, преюдицией и фикцией можно определить, исходя из их процессуальной и логической общности. Так, каждый из перечисленных приемов выступает в уголовном судопроизводстве как самостоятельный вид предрешиения, также в основе презумпции и преюдиции лежит причинно-следственная связь, общность между презумпцией и фикцией определяется через их сущностное содержание как законодательно допустимых предположений об имеющихся обстоятельствах.

Истоки теоретических представлений о презумпции, преюдиции и фикции можно найти в римских, вавилонских или древнерусских памятниках права. В результате рецепции римского права они были восприняты правовыми системами различных государств, что подтверждает факт их универсальности.

Применительно к уголовному судопроизводству следует назвать такие традиционные презумпции, как презумпция невиновности, презумпция

истинности вступившего в законную силу приговора и иного решения суда. В настоящее время отдельный исследовательский интерес представляют правовые презумпции, используемые в практике Европейского суда по правам человека (далее Европейский суд), – презумпция факта и презумпция свободы личности. На основе презумпции свободы личности сформулирована отечественная формула презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения.

Межотраслевая преюдиция как результат проявления общеправовой презумпции истинности вступившего в законную силу решения суда также является предметом обсуждения в научной литературе. Интерес к данному приему юридической техники обусловлен рядом произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, направленных на создание единообразной практики использования универсальных правовых категорий в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве. Федеральным законом от 29.12.2009 № 83-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в уголовно-процессуальное законодательство была введена межотраслевая преюдиция. Данные изменения вызвали дискуссию в научных кругах относительно того, что ст. 90 УПК РФ в измененном виде вошла в резкий диссонанс с принципами уголовного судопроизводства и в первую очередь с принципом свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Специфическая задача фикции как приема юридической техники в уголовном судопроизводстве заключается в обеспечении гибкости законодательства при сохранении его стабильности. Представленный в литературе широкий круг признаков, определяющих это понятие, тем не менее является более чем синонимичным и не дает возможности выделить отдельные свойства правовой фикции. В теории уголовного судопроизводства приводятся примеры этого технико-юридического

приема, однако самостоятельной работы, посвященной проблемам применения правовой фикции и ее роли в уголовном судопроизводстве, в настоящее время нет. В диссертационном исследовании рассматриваются теоретические вопросы и практика реализации презумпции, преюдиции и фикции в уголовном судопроизводстве.

Степень научной разработанности темы исследования.

Разработкой проблемы использования приемов юридической техники занимались в дореволюционный период такие известные ученые, как Л.Е. Владимиров, Г.Ф. Дормидонтов, М.В. Духовский, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Н.Н. Розин, В.К. Случевский. Вопросы преюдициального производства рассматривались И.Я. Фойницким.

В советский период данная проблематика нашла отражение в работах В.К. Бабаева, В.К. Гавло, В.И. Каминской, Я.О. Мотовиловкера, П.Ф. Пашкевича, Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, Я.Л. Штутина, У.М. Юсубова и др.

Вопросы правовых презумпций в современный период освещаются в трудах А.В. Агутина, В.С. Бурдановой, Л.М. Васильева, Т.Ю. Вилковой, Л.В. Головки, И.Н. Горячева, В.Н. Григорьева, А.В. Гриненко, И.С. Дикарева, З.З. Зинатуллина, Г.К. Кожевникова, И.Н. Кондрата, А.А. Крымова, О.А. Кузнецовой, О.В. Левченко, Д.Р. Мажиняна, Е.А. Нахоевой, И.Ю. Панькиной, Т.Н. Радько, А.В. Смирнова, И.В. Смольковой, В.С. Тадевосяна, А.И. Трусова, О.В. Химичевой, Ф.Г. Шахкелдова, С. Ф. Шумилина, Г. А. Шумского и др.

Проблемам преюдиции посвящены работы В.А. Азарова, Т.Т. Алиева, В.С. Баклашина, В.О. Белоносова, Л.В. Головки, А.Г. Гореликовой, Н.А. Громова, И.С. Дикарева, А.П. Ереминой, С.П. Ефимичева, Л.С. Заржицкой, А.В. Карданец, Н.А. Колоколова, В.А. Лазаревой, С.В. Михайлова, Д.М. Нурбаева, П.А. Скобликова, С.В. Фидельского, И.В. Чащиной.

Юридическая фикция рассматривается в общей теории права М.Л. Давыдовой, Л.А. Душаковой, О.А. Курсовой, Е.Ю. Марохиным, Н.А. Никиташиной, П.М. Резиньковым, О.В. Танимовым и А.М. Ширвиндтом. В уголовном праве презумпциям и фикциям посвящены диссертационные исследования Ю.Г. Зуева, К.К. Панько и В.В. Тарасенко. В уголовном процессе проблемами фикций занимались В.К. Гавло, Д.В. Зотов, А.В. Смирнов, И.В. Филимонова.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, урегулированных и не урегулированных уголовно-процессуальным законодательством, возникающих и развивающихся в связи с практическим использованием презумпции, преюдиции и фикции в российском уголовном судопроизводстве.

Предметом исследования выступает современное уголовно-процессуальное законодательство, теоретические положения, объясняющие понятие и сущность презумпции, преюдиции и фикции и их соотношение в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также использование данных приемов юридической техники в практике Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке единого теоретико-методологического подхода к пониманию презумпции, преюдиции и фикции как приемов юридической техники, используемых в российском уголовном судопроизводстве для упорядочения уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечения прав и законных интересов их участников, повышения эффективности доказательственной деятельности, а также в обосновании предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства России в рассматриваемой сфере.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих **задач**:

- проследить эволюцию уголовно-процессуального законодательства и научных взглядов на правовую презумпцию, преюдицию и фикцию, их влияние на правоприменительную практику в различные исторические периоды;

- определить сущность и значение презумпции, преюдиции и фикции в уголовном судопроизводстве, выделить их виды;

- раскрыть понятия, значение и основные элементы содержания (свойства) презумпции, преюдиции и фикции как приемов юридической техники, оказавших влияние на формирование и развитие современного российского уголовно-процессуального законодательства;

- установить место и роль презумпции, преюдиции и фикции как законных предположений в российском уголовном судопроизводстве;

- выявить правовые презумпции, используемые в международной судебной практике (презумпция невиновности, презумпция факта и презумпция свободы личности) и соотнести их с отечественными процессуальными презумпциями (презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда и презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения);

- раскрыть сущность межотраслевой преюдиции, ее виды и пределы действия в уголовном судопроизводстве;

- выявить в действующем уголовно-процессуальном законе правовые нормы, сконструированные законодателем в виде правовых фикций, раскрыть их содержание.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование базируется на общенаучном диалектическом методе познания, на основе которого применялись *историко-правовой метод*, позволивший проанализировать процесс формирования и изменения понятий презумпции, преюдиции и фикции в теории уголовно-процессуального права; *системно-структурный метод*, давший возможность выявить специфику

обстоятельств, подлежащих доказыванию с учетом использования межотраслевой преюдиции; *сравнительно-правовой метод*, с помощью которого выявлены примеры правовых фикций в законодательстве зарубежных стран. *Формально-юридический метод* положен в основу оценки использования презумпции невиновности, презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда и межотраслевой преюдиции. Также при решении различных исследовательских задач применялись иные общенаучные (анализ, синтез, гипотеза, обобщение, индукция, дедукция и др.) и частнонаучные (правового моделирования, социологического опроса, статистический, изучения уголовных дел и др.) методы познания.

Правовой базой исследования являются нормы и положения Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, иных федеральных законов, а также правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации в части решения ими правовых вопросов, связанных с темой диссертации. В работе также использовалось законодательство досоветского и советского периодов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют научные труды процессуалистов дореволюционной России, советского периода, а также публикации и диссертационные работы современных авторов по уголовному, гражданскому, арбитражному процессу, уголовному праву, теории государства и права.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена материалами опубликованной практики Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации, в которых затрагивались вопросы применения правовых презумпций и межотраслевой преюдиции в уголовном судопроизводстве. По наиболее важным вопросам диссертационного исследования было опрошено 288 практических

работников (из них 36 судей, в том числе мировых, 88 следователей, 164 помощника судей, специалиста и секретаря судебного заседания). Сбор эмпирического материала осуществлен среди практических работников г. Иркутска и Иркутской области, г. Якутска и Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, г. Улан-Удэ и Республики Бурятия (приложения 1, 2).

В ходе исследования было изучено 206 актов судов общей юрисдикции первой, апелляционной и кассационной инстанции в государственной автоматизированной системе «Правосудие» за период с 2011 по 2020 гг., отражающих реализацию приемов юридической техники в российском уголовном судопроизводстве, в том числе презумпции невиновности, презумпции недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, межотраслевой преюдиции. Кроме того, использованы эмпирические данные, полученные другими исследователями и представленные в открытой печати, официальная судебная статистика о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017–2020 гг.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на монографическом уровне разработан концептуальный подход к пониманию сущности презумпции, преюдиции и фикции как технико-юридических приемов, используемых в российском уголовном судопроизводстве в качестве законных предположений, направленных на координацию и упорядочение уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечение прав и законных интересов их участников, повышение эффективности доказательственной деятельности, а также сформулированы предложения по оптимизации российского уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Презумпция, преюдиция и фикция являются законными предположениями разной степени опровержимости, преследующими цель координации и упорядочивания уголовно-процессуальных правоотношений,

а также экономии процессуальных средств в уголовном судопроизводстве. У каждого из перечисленных приемов юридической техники имеется собственное сущностное содержание. Применение этих приемов необходимо, когда отсутствуют средства к достижению достоверного знания, а результат познания категорически необходим (правовые фикции), когда повторное исследование уже изученных обстоятельств правоприменителем в уголовном судопроизводстве признается излишним (преюдиция), а также для законодательного закрепления предположений, формирующих обязанности сторон в процессе доказывания определенных фактов (презумпции).

2. Правовая презумпция в уголовном судопроизводстве – это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, распределяющий бремя доказывания между сторонами. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

3. Для повышения правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве предлагается расширение действия презумпции невиновности. По этой причине ч. 1 и ч. 2 ст. 14 УПК РФ необходимо изменить следующим образом: *«1. Лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. 2. Никто не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».*

4. В практике Европейского суда по уголовным делам используются следующие правовые презумпции: презумпция невиновности, презумпция факта и презумпция свободы личности (ее частный случай – презумпция в пользу освобождения). Понимание презумпции невиновности Европейским судом совпадает с практикой применения аналогичного принципа в российском уголовном судопроизводстве. Сферу действия презумпции факта формируют доказанные и установленные национальным судом обстоятельства уголовного дела. Механизм повторной оценки установленных фактов на международном уровне производится только после предоставления убедительных и законных доказательств, опровергающих первоначальные выводы. Сферу действия презумпции свободы личности и презумпции в пользу освобождения составляет законное и обоснованное применение мер, ограничивающих личные свободы людей, а также установленный Европейским судом стандарт доказывания, в силу которого лицо, заключенное под стражу, должно быть освобождено, если его заключение перестает быть обоснованным.

5. На основании презумпции свободы личности и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ сформулирована презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, согласно которой: 1) обвиняемый и подозреваемый может быть ограничен в праве на личную свободу до тех пор, пока ограничение его свободы согласуется с реально существующим публичным интересом, мера пресечения не может носить карательного характера; 2) бремя доказывания необходимости применения и продления срока меры пресечения лежит на стороне обвинения; 3) использование тяжести обвинения в качестве единственного или наиболее существенного условия для избрания меры пресечения не допускается.

6. Преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную

силу приговора или иного решения суда, обязывающий посредством его применения не совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела ввиду того, что подобные действия уже были совершены.

7. Преюдицию в уголовном процессе следует подразделять на общую и исключительную. В основу деления положено волеизъявление законодателя о том, какие приговоры имеют преюдициальное значение. *Общая* преюдиция признает преюдициальными все без исключения вступившие в законную силу приговоры суда, *исключительная* преюдиция определяет перечень приговоров, которые преюдициальностью не обладают.

8. Правовая фикция представляет собой прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности. Недействующие нормы права не могут признаваться правовой фикцией. Правовая фикция может быть сформулирована законодателем в границах нескольких норм права.

Теоретическая и практическая значимость работы. Разработанные автором научные положения развивают теорию уголовного процесса и могут использоваться в рамках дальнейшего осмысления уголовно-процессуальных принципов и механизма их реализации, системы гарантий прав участников уголовного судопроизводства, системы средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам. Сформулированные выводы, предложения и рекомендации будут полезными в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, и судов, а также могут стать основой для проведения экспертизы законопроектов в сфере уголовно-процессуального

права на предмет качества регламентации отдельных правил доказывания. Их использование возможно также в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников судебных и правоохранительных органов, в процессе преподавания учебных дисциплин «Уголовный процесс», «Теория судебных доказательств» в высших учебных заведениях по специальности «Юриспруденция», при разработке программ общих и специальных курсов для бакалавров, магистров, специалистов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования осуществлены на заседании кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института государства и права Байкальского государственного университета, а также на восемнадцати научно-практических конференциях и круглых столах международного, всероссийского, межрегионального и межвузовского уровня, состоявшихся в Иркутске (2012-2021 гг.), Самаре (2015 г.), Екатеринбурге (2015 г.), Томске (2016 г.), Краснодаре (2018 г.), Волгограде (2020 г.).

Основные результаты диссертационного исследования изложены в 19 опубликованных работах общим объёмом 5,4 а.л., в том числе 6 научных статей в журналах, включенных в перечень, рекомендованный ВАК Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Иркутского национального исследовательского технического университета, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Бурятского государственного университета, а также в практическую деятельность Иркутского областного суда, районных (городских) судов и мировых судей г. Иркутска и Иркутской области, что подтверждается актами о внедрении.

Достоверность и научная обоснованность достигнутых результатов обеспечены использованием методов научного познания с опорой на

судебную практику международных и национальных судов, а также на результаты интервьюирования практических работников.

Структура исследования обусловлена его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определены объект, предмет, цели и задачи исследования, его методологическая и эмпирическая основы, сформулирована научная новизна работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, приведены сведения об апробации и внедрении результатов исследования.

Первая глава «Правовые презумпции в российском уголовном судопроизводстве» состоит из трех параграфов и содержит анализ научных положений относительно презумпции как технико-юридического приема в целом и отдельные теоретические аспекты исследования правовой презумпции в уголовном судопроизводстве в частности.

В первом параграфе **«Понятие, сущность и виды презумпции, генезис формирования понятия правовой презумпции в теории уголовного процесса»** диссертант исследует историю формирования понятия «презумпция», рассматривает логическое, общенаучное и правовое содержание дефиниции.

На основе анализа теоретических точек зрения (В.К. Бабаева, В.И. Каминской, Е.А. Карякина, А.В. Смирнова, М.С. Строговича и др.) изложены концептуальные положения о понятии, содержании и свойствах правовой презумпции в уголовном судопроизводстве, рассмотрены представленные в литературе классификации презумпций.

Диссертант обосновывает вывод, что правовые презумпции в

уголовном судопроизводстве обладают следующими характерными свойствами:

- 1) отражают повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретают характер закономерности;
- 2) обладают вероятностным характером и придают законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного;
- 3) опровержимы;
- 4) распределяют бремя доказывания между сторонами;
- 5) способствуют процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности.

По итогам изучения вопросов терминологической ясности анализируемых категорий предложено авторское определение презумпции как приема юридической техники, существующего в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемого в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, распределяющего бремя доказывания между сторонами. По мнению автора, использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

Диссертантом приведены представленные в литературе классификации правовых презумпций (фактические и правовые презумпции, опровержимые и неопровержимые). Деление правовых презумпций на опровержимые и неопровержимые необоснованно, поскольку неопровержимая презумпция не предусматривает возможности своего опровержения представленными доказательствами, следовательно, рассматривать ее через категорию вероятности (основной признак правовой презумпции) невозможно. Распределение бремени доказывания является сущностным признаком правовой презумпции и отличает ее от других

приемов юридической техники. Предложена авторская классификация парных и непарных правовых презумпций в уголовном судопроизводстве.

Во втором параграфе *«Презумпция невиновности, история становления, сущность и значение для российского уголовного судопроизводства»* проводится исследование истории правовой регламентации презумпции невиновности. Обращаясь к истории уголовно-процессуального законодательства, диссертант отмечает, что прообраз презумпции невиновности, на основе которого произошло дальнейшее ее развитие, впервые появляется в Декларации прав человека и гражданина (Франция, 1789 г.). В России презумпция невиновности законодательное воплощение получает в 1864 г. в ст. 14 Устава уголовного судопроизводства (далее УУС). Однако начиная с первых законодательных актов советской власти в 1918 г. и вплоть до принятия в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик презумпция невиновности признавалась реакционным наследием, процессуальной «предвзятостью» и элементом формализма, чуждым советскому уголовному судопроизводству. При этом несправедливо утверждать, что одна из основополагающих гарантий прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве в течение 40 лет признавалась не имеющей практического значения декларацией формального характера. В 1940–1950-е гг. за презумпцию невиновности высказывались В.И. Каминская, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович. Также и в судебной практике того времени можно найти примеры толкования и применения презумпции невиновности. В настоящее время презумпция невиновности законодательно закреплена на национальном уровне – в Конституции РФ и УПК РФ, на международном уровне – во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав и основных свобод. Диссертант исследует постулаты презумпции невиновности и соотносит их с примерами использования презумпции в практике Европейского суда.

На основе анализа теоретических воззрений (Б.Т. Безлепкина, В.М. Савицкого, В.С. Тадевосяна, В.Т. Томина, А.И. Трусова, М.А. Чельцова и др.) приведены аргументы противников содержательной стороны понятия презумпции невиновности как не отвечающей основным признакам правовой презумпции. Также исследованы позиции современных авторов (З.В. Макарова, О.В. Качалова), придерживающихся мнения, что презумпция невиновности, как и любая традиционно признаваемая и давно используемая в практике презумпция, предполагает невиновность не конкретного подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу, а вообще невиновность человека и тот факт, что совершение преступления не норма поведения в обществе. Содержание рассматриваемого понятия заключается в распространении состояния (идеи) добропорядочности и законопослушности на всех без исключения людей до вступления в законную силу итогового решения о виновности или невиновности в отношении конкретного человека.

Автором отмечено, что, исходя из определения презумпции невиновности, предусмотренного ст. 14 УПК РФ, не ясно, распространяет ли свое действие презумпция невиновности на таких участников, как: лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка; лицо, привлекаемое к уголовной ответственности; лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование; лицо, совершившее преступное посягательство, в отношении которого действует правовой иммунитет в связи с исполнением им государственной или общественной деятельности; и др.

Для повышения правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве предлагается расширение действия презумпции невиновности. Разрешение проблемы расширения субъектного состава участников, на которых распространяется презумпция невиновности, возможно при законодательном изменении ст. 14 УПК РФ и замене термина «обвиняемый» на термин «лицо».

В настоящее время презумпция невиновности является как международным, так и национальным принципом осуществления правосудия. Существенные проблемы реализации принципа презумпции невиновности связаны с декларативным характером ее действия. Необходимо законодательное изменение формулы презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) с целью распространения ее действия на иных лиц. Однако законодательное признание этого принципа – большой шаг для Российского государства как в сторону реальной охраны прав и законных интересов граждан, так и в сторону приведения национального законодательства в соответствие с международными принципами и нормами. Установление этого принципа в Конституции РФ имеет важное значение для расследования и рассмотрения уголовного дела, а также является дополнительной гарантией осуществления справедливого правосудия. Широкое использование презумпции невиновности в практике Европейского Суда послужило условием дальнейшего процессуального развития отдельных ее постулатов. В настоящее время презумпция невиновности остается наиболее разработанной правовой презумпцией, которая имеет процессуальное закрепление и получила свое логическое развитие в постулатах, устанавливающих распределение бремени доказывания.

В третьем параграфе *«Иные уголовно-процессуальные презумпции в российском уголовном судопроизводстве»* автором проанализированы правовые презумпции, используемые в теории и практике российского уголовного судопроизводства. Отмечено, что наряду с презумпцией невиновности в литературе (З.З. Зинатуллин, К.Б. Калиновский, И.В. Каминская, М.С. Строгович, И.Я. Фойницкий, Ф.Г. Шахкелдов) назывались и другие уголовно-процессуальные презумпции. Так, количество выделяемых в литературе правовых презумпций достаточно велико. Однако согласно выявленным свойствам и видам правовых презумпций в рамках диссертационного исследования рассмотрены только

некоторые из них: презумпция невиновности и презумпция истинности приговора или иного решения суда. Также на основе отечественной и международной судебной практики автором сформулирована презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения.

По мнению автора диссертационного исследования, важнейшим основанием для развития самостоятельной системы современных российских уголовно-процессуальных презумпций является практика Европейского суда по правам человека. В своих решениях Европейский суд, в отличие от национальной судебной системы, не только широко пользуется арсеналом приемов, выработанных современной юридической техникой, но и называет их в текстах своих решений. Уже в настоящее время можно говорить о самостоятельной системе презумпций, используемой Европейским Судом. В данную систему входят: презумпция невиновности, презумпция факта, презумпция относительно телесных повреждений, появившихся в период содержания под стражей, и презумпция свободы личности.

В работе автором рассмотрена презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, которая является законным предположением, сформулированным в теории уголовного процесса на основе межотраслевой презумпции истинности вступившего в законную силу решения суда. Сделан вывод о том, что данная правовая презумпция как нормативное предписание обеспечивает эффективность, стабильность и соблюдение практических интересов общества и отдельных людей в определенности их процессуального статуса и окружающих их процессуальных отношений. Согласно приведенным классификациям, данное законное предположение является правовой, процессуальной, парной презумпцией.

Ориентируясь на уголовно-процессуальное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, автор дает следующую

формулировку презумпции недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения. Данная презумпция представляет собой законное предположение, заключающееся в том, что:

- 1) обвиняемый и подозреваемый может быть ограничен в праве на личную свободу до тех пор, пока ограничение его свободы согласуется с реально существующим публичным интересом, мера пресечения не может носить карательного характера;
- 2) бремя доказывания необходимости применения и продления срока меры пресечения лежит на стороне обвинения;
- 3) использование тяжести обвинения в качестве единственного или наиболее существенного условия для избрания меры пресечения не допускается.

По мнению автора, данная презумпция также является разновидностью общеправовой презумпции добропорядочности и соответствует ранее выявленным свойствам правовых презумпций в уголовном судопроизводстве, а также корреспондируется с презумпцией свободы личности, используемой в практике Европейского Суда.

Вторая глава **«Преюдиция как прием юридической техники в российском уголовном судопроизводстве»** состоит из трех параграфов, в которых раскрыты теоретические аспекты конструирования и применения преюдиции в уголовном судопроизводстве.

В первом параграфе **«Генезис нормативно-правового закрепления преюдиции в уголовном процессе России»** автором утверждается принадлежность преюдиции как средства юридического выражения воли законодателя к группе приемов юридической техники. Также автором проанализированы нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие преюдицию на различных этапах исторического развития в России и зарубежных странах. История формирования термина «преюдиция» условно разделена автором на три равнозначных периода: дореволюционный, советский и современный.

Обращаясь к историческому значению термина «преюдиция», диссертант отмечает, что римское право воспринимало его как судебное

следствие в отдельном процессе по какому-либо самостоятельному вопросу, имеющему значение для вынесения правильного решения по основному делу. Соответствующее понимание данной правовой категории сложилось и в дореволюционной России и именовалось как «предсудимость». Так, согласно ст. 27 УУС рассмотрение уголовного дела подлежало приостановлению, если для его разрешения необходимо было рассмотреть вопросы: о правах состояния; о праве собственности на недвижимое имущество; о свойстве несостоятельности. Сложившаяся практика приостановления производства по уголовному делу давала возможность при его последующем возобновлении использовать выводы суда духовного или гражданского в качестве достоверно установленных сведений и фактов. Фактически ограничивалась компетенция суда уголовного при решении вопросов, выходящих за пределы его подсудности.

Далее автором проведен анализ норм уголовно-процессуального закона, регулирующих преюдицию в советский период. Как следует из содержания норм УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1960 г., в процессе создания новой правовой системы законодатель коренным образом видоизменил механизм преюдиции по сравнению с дореволюционным. Ст. 12 УПК РСФСР 1922 г. закрепила прообраз современной преюдиции. Кроме того, советский законодатель точно определил круг обстоятельств, которые могли иметь статус преюдициальных, видоизменяя и уравнивая преюдицию с юридическим фактом. В ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. окончательно закрепляется преюдиция как результат действия презумпции истинности вступившего в законную силу судебного решения; возможность разрешения каких-либо отдельных вопросов, необходимых для рассмотрения конкретного уголовного дела, до разрешения самого дела не указывалась. При анализе позиций, высказанных в литературе о видоизменении преюдиции, диссертантом в работе особо подчеркивается, что в советский период исчезает понятие «предсудимость» и появляется

термин «преюдиция» в значении правила, освобождающего от доказывания отдельных обстоятельств по уголовному делу.

За период действия УПК РФ ст. 90 УПК РФ не раз претерпевала существенные изменения. Первоначальная ее формулировка предусматривала только отраслевую преюдицию, так, акты гражданского и административного судопроизводства в ней не упоминались. Автор особо отмечает, что таким образом был проигнорирован весь предыдущий законотворческий опыт советского периода. Основной причиной усечения преюдиции следует признать отход законодателя от принципа объективной истины. В 2009 г. были внесены изменения в ст. 90 УПК РФ, и с данного момента преюдиция становится межотраслевой и неопровержимой. В редакции Федерального закона «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ правовая норма о преюдиции исключает из числа преюдициальных судебных актов приговоры, постановленные судом в особом порядке судебного разбирательства, а также приговоры, постановленные в результате судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме. Данные изменения закономерны и обусловлены тем, что преюдициальность приговоров, при вынесении которых суд не исследует доказательства, представленные сторонами, и самостоятельно не устанавливает фактические обстоятельства дела, не могут признаваться истинными.

Таким образом, отказавшись от понятия «предсудимость», советский законодатель создал термин «преюдиция» в значении правила, освобождающего от доказывания отдельных обстоятельств по уголовному делу. Разорвав, таким образом, связь преюдиции в смысле предсудимости с уголовным судопроизводством и создав общеправовой, основанный на единстве процесса и презумпции истинности вступившего в законную силу приговора и иного решения суда механизм межотраслевой преюдиции. Задачи этого механизма ближе всего стоят к задачам других приемов

юридической техники, являясь законным предположением, освобождающим от доказывания конкретных фактов, с той лишь разницей, что преюдиция в отличие от фикции или презумпции не общенаучный, а специально-правовой термин, более ни в одной из областей научного познания не используемый.

Во втором параграфе *«Сущность преюдиции, понятие и виды преюдиции в российском уголовном судопроизводстве»* диссертант рассмотрел понятие и виды преюдиции, а также ее сущностное значение.

Для более детального определения сущности преюдиции необходимо ее отграничение от понятия «прецедент». По мнению диссертанта, в основе прецедента и преюдиции лежит авторитет ранее принятого решения, различается лишь механизм действия. Если прецедент ограничивает суд в вынесении резолютивного итогового решения и основной задачей суда остается установить тождественность обстоятельств в рассматриваемом и в уже разрешенном деле, то преюдиция ограничивает суд, прокурора, следователя и дознавателя в оценке обстоятельств, ранее установленных.

Диссертантом проанализированы представленные в теории уголовно-процессуального права определения и трактовки понятия преюдиции. Отмечено, что преюдиция в научной литературе определяется очень разнопланово: 1) итоговый судебный акт; 2) обстоятельство или совокупность обстоятельств, установленных судом; 3) способ доказывания; 4) процессуальное правило; 5) правило, освобождающее от доказывания; 6) значение для правоприменителя фактов и выводов, установленных ранее вынесенным судебным актом; 7) прием юридической техники и средство процессуальной экономии.

По мнению автора, ни один из представленных подходов полностью не раскрывает сущность исследуемого понятия. Представляется, что преюдиция является законным предположением об истинности обстоятельств, установленных в приговоре или ином судебном решении. При этом она занимает промежуточное место между правовыми

презумпциями и правовыми фикциями. В отношении этих приемов юридической техники существует давно сложившееся учение, которое предполагает определенный перечень конкретных свойств. Основным свойством для их разграничения признается опровержимость (или неопровержимость). Для преюдиции данное свойство также имеет большое значение (от этого зависит механизм ее использования в доказывании), но это свойство в российском уголовном судопроизводстве напрямую зависит от воли законодателя.

В результате проведенного анализа сделан вывод, что преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, и обязывающий посредством его применения не совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела, ввиду того что подобные действия уже были совершены.

Также исследуется понятие «преюдициальность». По мнению автора преюдициальность – это самостоятельное и исключительное свойство некоторых приговоров, подтверждающее, что процесс доказывания по конкретному делу проводился согласно всем требованиям общего порядка расследования и рассмотрения уголовных дел.

В работе исследуются виды преюдиции представленные в литературе. Автором предложено деление преюдиции в зависимости от того, результатом какого судебного приговора она является. В основу данного деления положено волеизъявление законодателя о том, какие конкретно приговоры имеют преюдициальное значение, а какие нет. Таким образом, следует выделять общую преюдицию (все без исключения вступившие в законную силу решения суда являются преюдициальными) и исключительную преюдицию (в законе перечислено, какие итоговые решения суда, вступившие в законную силу, преюдициальностью не

обладают). Следует также заметить, что данная классификация является подтверждением позиции автора о том, что преюдициальность необходимо выделять как самостоятельный признак приговора в уголовном процессе.

Во втором параграфе *«Пределы действия преюдиции в российском уголовном судопроизводстве»* проводится исследование оптимальной формы существования института преюдиции в уголовном процессе России.

Представлены различные авторские суждения относительно изменения вида преюдиции с отраслевого на межотраслевой (В.А. Азаров В.С. Балакшин, Д.М. Нурбаев).

Исследуется вопрос о соотношении межотраслевой, неопровержимой преюдиции с принципом свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. По мнению диссертанта, межотраслевая преюдиция имеет безусловное превалирующее значение над принципом свободы оценки доказательств. Данное законное предположение согласовывает различные виды судопроизводств, которые не могут существовать в изоляции друг от друга. Признание того факта, что свобода оценки доказательств в конкретном деле является более «сильным» аргументом, нежели мнение суда, уже рассматривавшего данные обстоятельства, – это путь к формированию фактической презумпции некомпетентности суда при решении вопросов, непосредственно отнесенных к его ведению. Также автор приходит к выводу, что рассуждения о неопровержимой преюдиции несостоятельны и являются результатом исследования правила, установленного ст. 90 УПК РФ, в отрыве от остальных норм уголовно-процессуального законодательства. В любом случае преюдиция не относится к классу правовых фикций, которые не могут быть опровержимы никогда.

Также автор приходит к выводу, что в основе механизма межотраслевой преюдиции лежит идея объединения различных видов судопроизводства, что в перспективе может привести к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. На

современном этапе законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость, с одной стороны, выработки единого доктринального подхода к ее пониманию, с другой стороны, создания единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов судопроизводства. Так, анализ судебной практики показывает, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обходить правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и применять это правило, когда оно соответствует назначениям уголовного судопроизводства. Однако оставлять данный вопрос только в руках правоприменителя нельзя. Так, в настоящее время категорически не хватает руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по основным вопросам правомерного и неправомерного использования межотраслевой преюдиции.

Глава третья *«Правовая фикция и ее проявления в российском уголовном судопроизводстве»* состоит из трех параграфов и содержит анализ научных положений относительно фикции как технико-юридического приема и исследование правовой фикции в уголовном судопроизводстве.

В первом параграфе *«Сущность правовой фикции»* диссертант исследует историю формирования понятия «фикция» в науке, рассматривает общеупотребительное и общелогическое содержание фикции.

Диссертантом приведены примеры правовых фикций, закрепленных в законах различных эпох и государств. Сделан вывод о том, что фикция как прием юридической техники использовался в законодательствах разных государств и характерен практически для любой правовой системы – от самых ранних сводов законов до современных отраслевых кодексов. По мнению автора, подобная широкая распространенность фикции происходит из близости данного понятия существу права и искусственности природы познания в целом, вне зависимости от того, одобряется или нет этот прием

существующей научной теорией. С древних времен фикция применяется для упорядочивания правоотношений, их согласования с уже установленными обстоятельствами, что в итоге позволяет правоприменителю принять необходимое процессуальное решение.

Во втором параграфе **«Понятие правовой фикции, ее признаки и классификации»** диссертант формулирует понятие фикции как правовой категории, используемой в уголовном судопроизводстве, и рассматривает признаки и классификации правовых фикций.

Представлены существующие в теории подходы к пониманию правовой фикции (традиционный, расширенный, доказательственный и др.). Представленные подходы разнятся в определении родовой принадлежности правовой фикции, называя ее 1) приемом мышления; 2) приемом юридической техники; 3) способом правового регулирования; 4) нормативным предписанием, неопровержимым предположением.

Автором критикуются названные подходы. Обоснован вывод о том, что правовая фикция – это прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности.

Также исследуются свойства правовой фикции, представленные в литературе. В качестве самостоятельного признака фикции диссертант выделяет «условную» ложность, так как не всегда фикция строго не соответствует действительности. По мнению автора, основным признаком фикции является не ее ложность, а ее необратимость, невозможность суда прийти к иному выводу при наличии определенных юридически значимых обстоятельств.

Рассмотрены виды правовых фикций. Сделан вывод, что положение, которое можно классифицировать как правовую фикцию, может быть

сформировано как в нормативных актах, так и в разъяснениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Важнейшими для дальнейшего развития уголовно-процессуального права следует признать понятия правовой и доказательственной фикции.

В третьем параграфе *«Правовые фикции в российском уголовном судопроизводстве»* автором проанализированы правовые фикции, используемые в теории и практике российского уголовного судопроизводства.

В работе рассмотрены законодательно закрепленные нормы права, при помощи которых конструируется заведомо не существующее положение, признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта. Также сделан вывод, что правовая фикция не всегда закреплена в рамках одной нормы права. Она может быть разбита на составляющие части: несколько следующих друг за другом правил поведения в результате могут привести к признанию ложных обстоятельств истинными при невозможности дальнейшего их опровержения. Так, в результате действия ст. 316 и 317 УПК РФ заранее не исследованные судом обстоятельства признаются истинными и не могут быть пересмотрены ввиду ложности.

Также сделан вывод, что основное отличие правовой фикции от презумпции и преюдиции – ее императивность. Все рассмотренные в работе уголовно-процессуальные фикции не предлагают правоприменителю какого-то иного варианта действия, кроме того, который определен нормой права, результат ее действия всегда категоричен. В отличие от уголовно-процессуальных презумпций, которые в конечном счете всегда предполагают два возможных варианта. Примеры судебной практики также предлагают варианты опровержения межотраслевой преюдиции, например, в случае отмены преюдициального судебного акта.

В заключении изложены выводы, отражающие результаты проведенного исследования, и определяются направления дальнейшей

работы по исследуемой теме. В двух приложениях представлены анкета и результаты анкетирования.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

– *статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций:*

1. *Каландаришвили, Х. А.* Концептуальные основы преодоления межотраслевой преюдиции [Текст] / **Х. А. Каландаришвили**, Н. Л. Романова, В. Г. Татарников, М. С. Кротов // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8. – С. 230–233 (0,3 а.л. / 0,2 а.л.).

2. *Каландаришвили, Х. А.* Презумпция невиновности – конституционный принцип российского уголовного судопроизводства [Текст] / **Х. А. Каландаришвили**, И. В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 2 (24). – С. 88–92 (0,15 а.л. / 0,15 а.л.).

3. *Каландаришвили, Х. А.* Принцип разумного срока уголовного судопроизводства как доказательственная презумпция [Текст] / **Х. А. Каландаришвили** // Российский судья. – 2018. – № 11. – С. 26–29 (0,4 а.л.).

4. *Каландаришвили, Х. А.* Стандартизация доказывания с помощью уголовно-процессуальных презумпций в решениях Европейского суда по правам человека [Текст] / **Х. А. Каландаришвили** // Российский судья. – 2018. – № 5. – С. 44–48 (0,5 а.л.).

5. *Каландаришвили, Х. А.* Содержание презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда в уголовном судопроизводстве [Текст] / **Х. А. Каландаришвили** // Финансовая экономика. – 2018. – № 5. Ч. 8. – С. 938–940 (0,4 а.л.).

6. *Каландаришвили, Х. А.* Правовые фикции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / **Х. А. Каландаришвили** //

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 135–141 (0,5 а.л.).

– статьи в сборниках материалов конференций:

7. *Каландаришвили, Х. А.* Презумпция невиновности: генезис формирования понятия [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Тенденции и перспективы развития науки XXI века : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18 октября 2015 г.) / отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 192–194 (0,2 а.л.).

8. *Каландаришвили, Х. А.* Место и роль презумпции в доказывании / Х. А. Каландаришвили [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Наука третьего тысячелетия : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 3 ноября 2015 г.). – Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 156-158 (0,2 а.л.).

9. *Каландаришвили, Х. А.* Уголовно-процессуальные презумпции в решениях ЕСПЧ [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (28-20 января 2016 г.). – Томск : Изд-во Томского университета, 2016. – С. 119-120 (0,2 а.л.).

10. *Каландаришвили, Х. А.* К вопросу о концептуальном понимании дефиниции «правовая презумпция» и её значения для правоприменительной практики / **Х. А. Каландаришвили**, Ю. А. Антонова // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью : матер. III всерос. науч.-практ. конф. (23 мая 2018 г.). – Краснодар : Изд. дом – Юг, 2018. – С. 124-126 (0,15 а.л. / 0,05 а.л.).

– статьи в иных научных изданиях:

11. *Каландаришвили, Х. А.* Понятие и виды правовых презумпций в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2012. – № 8. – С. 307-313 (0,3 а.л.).

12. *Каландаришвили, Х. А.* Становление преюдиции в уголовно-процессуальном праве [Текст] / Х. А. Каландаришвили // От реформы

высшей школы образования к модернизации социально-экономической системы России : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Киреенко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. – С. 412–415 (0,2 а.л.).

13. *Каландаришвили, Х. А.* Фикция как категория юридической науки [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2013. – № 1. – С. 52–57 (0,3 а.л.).

14. *Каландаришвили, Х. А.* Уголовно-процессуальные фикции: понятия, признаки и виды [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 1. – С. 32–38 (0,3 а.л.).

15. *Каландаришвили, Х. А.* Институт преюдиции в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года [Текст] / Х. А. Каландаришвили // ГлаголЪ правосудия. – 2014. – № 2(8). – С. 14–16 (0,3 а.л.).

16. *Каландаришвили, Х. А.* К вопросу о терминологическом анализе и видах уголовно-процессуальных презумпций [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Сибирские-уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 1 (7). – С. 5–9 (0,3 а.л.).

17. *Каландаришвили, Х. А.* К вопросу о взаимодействии межотраслевой преюдиции и принципа свободы оценки доказательств [Текст] / Х. А. Каландаришвили // ГлаголЪ правосудия. – 2016. – № 1 (11). – С. 62–64 (0,2 а.л.).

18. *Каландаришвили, Х. А.* К вопросу о взглядах И. Я. Фойницкого на презумпцию и преюдицию [Текст] / Х. А. Каландаришвили // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 1 (15). – С. 35–37 (0,2 а.л.).

– глава в коллективной монографии:

19. *Каландаришвили, Х. А.* Презумпция невиновности [Текст] / Х. А. Каландаришвили // Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. И. В. Смольковой. – М. : Юрлитинформ, 2015. – С. 206-220 (1 а.л.).